

БРЕДИХИН Антон Викторович, кандидат исторических наук, ст. преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, доцент, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет) (Россия, Москва), e-mail: bredikhin90@yandex.ru, AuthorID: 674311

BREDIKHIN A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (the First Cossack University) (Russian Federation, Moscow), e-mail: bredikhin90@yandex.ru

КАЗАЧЕСТВО ВО ФРОНТИРНОЙ СРЕДЕ ЮГА РОССИИ

COSSACKS IN THE FRONTIER ENVIRONMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA

Аннотация. Целью исследования выступает анализ влияния казачества на социокультурные процессы юга России. В рамках проведённой работы изучены основные социокультурные особенности развития сложившегося после распада СССР современного казачества в российском приграничье. Казачество юга России имеет длительную историю формирования, обусловленную его нахождением на стыке цивилизаций, народов, культур. Находясь между православием и исламом, славянским и тюркским миром, в зоне постоянной напряженности и военных конфликтов, казаки включили в свой социокультурный код отличительные особенности, способность стабилизации среды обитания, снижения конфликтности в отношениях с соседями. Постоянный контакт с представителями других народов и стран находит отражение на современном этапе развития казачества. В результате автор приходит к выводам о необходимости пересмотра взгляда современных исследователей казачества на социум казаков, живущих в пограничных регионах, в целях формирования государственной политики в отношении российского казачества.

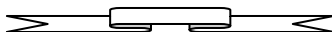
Ключевые слова: Донбасс, Всевеликое войско Донское, идентичность, казаки, казачество, приграничье, Ростовская область, Украина, фронтирмены, юг России.

Abstract. The aim of the study is to analyze the influence of the frontier identity of the Cossacks on the socio-cultural processes of the South of Russia. In the framework of the work carried out, the main factors of the frontier nature of the modern Cossacks, their socio-cultural features of development in the environment of the Russian border area, which developed after the collapse of the USSR, were studied.

The Cossacks of the South of Russia have a long history of formation, due to their presence in the frontier environment, at the junction of civilizations, peoples, and cultures. Being between Orthodoxy and Islam, the Slavic and Turanian worlds, in a zone of constant tension and military conflicts, the Cossacks received in their socio-cultural code distinctive features, opportunities for stabilizing the habitat, reducing conflict with neighbors. Constant contact with representatives of other peoples, other countries is also reflected at the present stage of Cossack development.

As a result, the author comes to the conclusion that the view of modern Cossack scholars on the very factor of the Cossacks-frontiersmen has to be revised in order to form a state policy towards the Russian Cossacks.

Keywords: Donbass; All-Great Army of the Don; identity; Cossacks; Cossack studies; border region; Rostov region; Ukraine; frontiersmen; South of Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Начало возрождения российского казачества в 1980-е гг. актуализировало его фронтальный статус, восприятие казаков в качестве жителей приграничья, «междумирья». В условиях распада СССР, повлекшего как межнациональные конфликты, так и военное противостояние, исторический опыт казаков как населения межкультурной зоны оказался востребованным. Этнокультурная идентичность казачества выступила примером для остальных народов бывшего союзного образования. Как отмечает А. И. Агафонов, казачество «сложилось в славяно-русском, тюркоязычном и персидском пограничье (фронтире), играло огромную роль в геополитике на евразийском континенте. Но в силу различных причин и условий было включено в российское цивилизационное пространство» [1, С. 52].

Вместе с тем статус казачества до сих пор находится на пути трансформации, изменения понятия казачьей идентичности, его регулирования действующей нормативно-правовой базой. Фронтальность казаков нигде не закреплена, а лишь возникает в рамках научных споров ученых-казачеведов.

В рамках данного исследования нами будет поставлена задача проанализировать фронтальный статус этнокультурной идентичности современного донского казачества.

Основным методом исследования выступит компаративный, посредством которого станет возможно проведение анализа фронтального характера казачества в сравнении с другими социокультурными сообществами и народами, являющимися фронтальными.

Казачество юга России во фронтальной среде в последнее время выступает всё более популярной темой у отечественных и зарубежных исследователей. Южнороссийский фронт является новой проблематикой и находит свое отражение в исследованиях В. В. Канищева [11], Ю. А. Мизиса, С. Г. Кашенко [14], А. И. Папкова [15] и др. Донской фронт анализируется в работах Б. Боука, А. В. Бредихина [6], Д. В. Сеня [19],

кубанский фронт представлен в исследованиях А. В. Сопова [22], терский фронт выступает актуальной тематикой изысканий Т. Баррета [2], И. М. Хаидова [23] и др.

Сегодня сложно судить о том, что же есть фронт, а что нет, и как верно отмечает И. П. Басалаева: «Фронт – видимо, самый пространственно фундированный термин в историографическом вокабуляре» [3, С. 83]. Пространство всей нашей страны представляет собой сплошные «порубежья» и «пограничья», ныне лишенные ранее приобретенной смысловой нагрузки, но разделенные границами государственными и административными. Учитывая факт формирования территории Российского государства казаками и соглашаясь с позицией Льва Толстого, что «граница породила казачество, а казаки создали Россию», отметим, что и основными фронтальными нашей страны выступали именно казаки.

ОСОБЕННОСТИ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ФРОНТА

Достаточно интересной выступает позиция о том, что Дикое Поле как фронтальная зона является преемницей другого фронта – Киевской Руси, о чем писал М. Ходарковский [3, С. 86], в результате чего формируется эволюционная линия «Киевская Русь – Дикое Поле – Южнорусский фронт». Процесс формирования южнорусского фронта отражался в российской историографии как появление «северских городов», «украинских городов», «городов от польской украины» и т. д. Использовалось понятие «порубежье» в отношении южной зоны границы государства. В этой связи А. И. Папков анализирует понятие «украина» в качестве российской вариации понятия «фронт», но обладающей рядом отличительных черт, изменяющейся в зависимости от определенных внутренних и внешних условий.

Согласимся с наличием серьезных различий казачьей идентичности в ней и позицией В. А. Брехуненко о том, что «мнение про монолитность казачьего мира, однотипность

казачьей версии в разных уголках Степного Кордона, про общую для всех христианских казачеств «казачью идентичность» выглядит очевидным упрощением» [7, С. 83]. Исследователь приводит ряд исторических фактов, подчеркивающих разительное отличие донских и запорожских казаков, их геополитических предпочтений и идентичностных характеристик. Особняком стоят казаки Сибири и Дальнего Востока, где, в отличие от юга России, просто не успел сформироваться фактор социокультурной и этнической идентичности. Не говоря о созданных позднее или проектируемых Ефратском казачьем войске на Ближнем Востоке, Сунгарийском казачьем войске в «Желтороссии» на территории Маньчжурии, Персидской казачьей бригаде [17, С. 14] и т. д.

Этой позиции придерживается и Т. Водотика, разделяя виды фронтирменов Европы, «ведь одновременно с украинским казачеством в Европе существовало еще несколько подобных военно-корпоративных общностей: граничары Хорватии, венгерские гайдуки и секеи и донские казаки. Все они были порождением одного глобального явления – Великой Границы между Западом и Востоком, противостояния христианской и мусульманской цивилизаций» [9, С. 105]. Здесь мы видим продвижение границы Дикого Поля на Балканский полуостров, а возможно, и до Пиренеев, точек соприкосновения двух цивилизационных пространств. А на фоне общеевропейского фронта происходит выделение различных казачьих идентичностей.

Фронтирный статус донских казаков способствовал тому, что, по мнению И. Служинской, «в конце концов донское казачество образовало особое общественное сословие, которое и сегодня не только лишь активно отстаивает собственную идентичность, но и претендует на статус отдельного этноса» [21, С. 123]. Этническая идентичность казаков долгое время выступает дискуссионным вопросом в научной, политической и общественной среде, введение же фактора фронтирности может выступать дополнительным аргументом как для сторонников такого подхода, так и для их оппонентов.

С такой позицией солидарен бесспорный лидер отечественной теории фронта Д. В. Сень, аргументированно представляя казаков как мужское сообщество со своей специфической идентичностью, на формирование которой воздействовали фронтирные реалии: «донское казачество уже во второй половине XVII столетия представляло собой тип *homo novus*, коллективная идентичность которого определялась, по всей видимости, не только и не столько общностью «московского происхождения» или даже принадлежностью к православию, а принадлежностью к войсковому братству» [18, С. 46]. Анализируя его работы, В. И. Маслак приходит к выводу, что интеграция донских казаков в Российское государство стала не стратегической целью Войска Донского, а лишь одним из возможных сценариев [13, С. 298]. Видению Д. В. Сени противопоставляется подход английского историка Ф. Лонгворта, указывающего в работе «Казаки. Пять столетий бурной жизни в русских степях» на вывод о том, что «процессы индустриализации, модернизации, репрессивные меры уничтожили идентичность казаков, от них остались лишь легенды...» [24, С. 313].

Донские казаки смогли не только сформировать фронтирность для юга России, но и транслировать ее на Сибирь, именуемую в западной историографии российским «Диким Западом». Завоевание Ермаком Тимофеевичем Сибирского царства, последующие походы казаков для присоединения восточных регионов страны уже несли в себе сформировавшийся фронтирный код, который благоприятно ложился на вновь присоединенную почву. Примечательно, что казаки, присоединив «Русскую Америку» и дойдя до Форт-Росса в Калифорнии, смогли донести свой код и до классического фронта Фредерика Дж. Тернера с его ковбоями и Диким Западом.

Область войска Донского в дореволюционной России находилась в системе «фрагментарности» регионов, обладающих различной историей, культурой, языком. Малороссы (украинцы), калмыки, татары были не просто ближайшими соседями – их поселения инте-

гировались в казачьи земли, многие из представителей этих народов «оказывались». Факт наличия «иностранцев», о которых наиболее красочно в романе «Тихий Дон» написал М. А. Шолохов и в романе «Горели костры» – М. А. Алпатов, говорит и о внутреннем характере «трансграничья», постоянного контакта казаков с другими народами, о конфликтах и системе добрососедства.

Фрагментарность всего пространства Степного Кордона сохранялась в Российской империи. Территория современной Украины представляла собой «лоскутное одеяло», а о единстве идентичности нельзя было говорить тогда, не скажешь и теперь. Но внутреннее единство «осколков» Киевской Руси и Дикого Поля оставалось. «Будитель» русинского народа А. В. Духнович вспоминал: «...одна жизни моей радость восхитила меня, и то было 1849 года, когда я первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр. Я не в силах описать, ни даже вдохнуть чувство радости, увидев первого на улице пряшевского казака...».

КАЗАЧИЙ ФРОНТИР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

По результатам распада СССР казаки, чьи традиционные регионы проживания, как верно подмечает Н. Ф. Бугай, были подвержены «территориальному геноциду» [8, С. 40], оказались разделенными между ставшими независимыми государствами. Территория дореволюционной области Войска Донского после длительных территориальных споров между РСФСР и СССР в 1920–30-х гг. распределена между Ростовской и Волгоградской областями России, а также Донбассом (самопровозглашенные Донецкая и Луганская народные республики, подконтрольные официальным украинским властям территории Донецкой и Луганской областей) [5, С. 18]. Оренбург советскими властями рассматривался для дальнейшей передачи Казахстану, а о создании казачьих муниципалитетов на территории Северного Кавказа хотя и вели речь, но до окончательной реализации и создания системы казачьего самоуправления вопрос довести не удалось.

Ответом на подобную политику большевиков стали тенденции казачьего сепаратизма на юге России, приведшие к объявлению в 1980–90-х гг. таких образований, как Донская Казачья Республика, Терская Казачья Республика, Армавирская Казачья Республика, Верхне-Кубанская Казачья Республика, объединившая две другие «республики» – Зеленчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику и Баталпашинскую Казачью Республику, интеграция самопровозглашенных «республик» в виде Союза Казачьих Республик юга России и других образований. В 2005 году была инициирована попытка проведения референдума по объединению Ростовской и Волгоградской областей в Донской край, но так и не была доведена до уровня народного голосования. Впоследствии различными региональными политиками поднимался данный вопрос, но он оставался лишь на уровне заявлений.

«Парад суверенитетов» шёл на пространстве всего бывшего советского блока. Казаки, в свою очередь, стали участниками конфликтных событий, произошедших по линии раскола цивилизаций, культур, религий и охвативших пространство от Кавказа до Балкан. Участие в приднестровском конфликте (русские и украинцы vs молдаване и румыны), Боснийской войне (православные сербы и добровольцы vs мусульмане-бошняки и католики-хорваты), событиях в Абхазии и Южной Осетии (пророссийский вектор абхазов и осетин vs проамериканский вектор грузин) и других конфликтах лишь подтвердили фронтальный характер современного казачества.

Гражданская война на Украине способствовала актуализации не только территориального вопроса в приграничье. Она подняла вопрос фронтальных регионов. Т. Водотика указывает на то, что «Юг и Восток Украины и Юг России уже почти традиционно признается частью большой Степной границы, фронта, порубежья между Европой и Азией, мусульманским и христианским мирами. Есть примеры исследований отдельных регионов именно как фронтальных: Славянсербии и Донщины» [9, С. 102].

Факт наличия в зоне Степного Кордона сербских поселений значительно сближает донских казаков с этими балканскими фронтирменами (граничарами). В сербском языке есть понятие «крајина» – приграничная территория, где живут с оружием и всегда готовы к военным действиям [12, С. 257]. События 1990-х гг., когда казаки-добровольцы направились на помощь сербским братьям, способствовали восстановлению близких отношений, формированию системы взаимопонимания, подтверждением чего стали события на Украине в 2010-х гг. Именно поэтому в ряды ополчения влились сербские четники, проявившие желание защитить Донецкую и Луганскую народные республики.

Сам конфликт в Донбассе ложится в лоно исторических противостояний во фронтирной зоне Степного Кордона между самими же фронтирменами. В их число можно отнести осаду донскими казаками Азова 1696 года и противостояние им не только турок, но и ахреян [16, С. 15], ставших, по словам Г. В. Вернадского, «представителями вольной русской колонизации, враждебной русскому государству» [20, С. 109], многочисленные столкновения донских казаков и войск ушедшего на Кубань Игната Некрасова, восстания С. Т. Разина, К. А. Булавина, Е. И. Пугачева, противостояние Донской Советской Республики и Всевеликого войска Донского в годы Гражданской войны и др.

События на Украине выступили и точкой активизации государственной политики в отношении казачества по военному направлению. Кубанские казаки принимали активное участие в процессе возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Донские казаки направились поддержать ополченцев народных республик Донбасса, а на некоторое время в ряде муниципалитетов ДНР и ЛНР возникла система казачьего самоуправления. В 2016 году при поддержке Министерства обороны Российской Федерации в приграничной Ростовской области создается из числа казаков Донецкого, Новочеркасского, Первого Донского и Черкасского округов ВКО «Всевеликое войско Донское» рота территориальной оборо-

ны. Впоследствии на территории Краснодарского края создается 1-я Таманская казачья дивизия и казачья рота Росгвардии [4, С. 236]. Они же становятся прообразом современных «БАРСов».

Фронтирность казаков выступила фактором притяжения для других фронтирменов из Южной Африки – буров [10, С. 29]. В 2018 году ими поднимался вопрос переселения в Ставропольский край. В регионе работают программы по переселению соотечественников и беженцев, принимавшиеся под казаков-некрасовцев из Турции. С 2014 года мерами государственной поддержки воспользовались беженцы из Украины. В этой связи климатически подходящее Ставрополье изучается и представителями «бурского фронта».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, в условиях динамического развития казачеведения возникает потребность пересмотра сложившегося понятийного аппарата и включения определения «фронтирмен» в отношении казаков как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития.

Во-вторых, фронтирный характер казачества находит свое отражение в формировании этнокультурной идентичности и возможности использования его в качестве научного аргумента в дискурсе об отдельном этническом статусе казаков обеими сторонами диалога.

В-третьих, в рамках процесса возрождения, а теперь и развития необходима проработка вопроса применения фронтирности в рамках государственной политики в отношении казачества, использования его военной, этнокультурной, социально-политической составляющей.

Библиография / References:

1. Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // Известия высших учебных

- заведений. Северо-Кавказский регион. Общие научные науки. – 2018. – № 1 (197). – С. 52–70.
2. Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000. – С. 166–177.
3. Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сень // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 1 (27). – С. 81–105.
4. Бредихин А.В. Военная служба казаков в системе безопасности юга России (на примере Ростовской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 5. – С. 234–243.
5. Бредихин А.В. О территориальных претензиях в российско-украинском приграничье // Казачество. – 2016. – № 16 (3). – С. 17–22.
6. Бредихин А.В. Фронтирная культура Донского края (социально-исторический аспект) // Культура: управление, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 13–17.
7. Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи: типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. – Київ, 2011. – 504 с.
8. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). – М.: Можайск-Терра, 2000. – 96 с.
9. Водотика Т. Теорія фронтиру та її пізнавальні можливості у контексті історичної регіоналістики // РЕГІОНАЛЬНА ІСТОРІЯ УКРАЇНИ. Збірник наукових статей. – 2012. – № 6. – С. 101–114.
10. Есаулова О.М. Южноафриканский фронт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 29–32.
11. Канищев В.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2015. – Вып. 4. – С. 178–186.
12. Копривица Ч.Д. Синдром идентичности глубокого приграничья. Приложения к пониманию Краины // Журнал фронтирных исследований. – 2019. – № 4-2 (16). – С. 257–295.
13. Маслак В.И. Опция степного фронта Европы в современном российском и украинском казачестве // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Т. 3. – № 4. – С. 297–306.
14. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2011. – № 1. – С. 9–16.
15. Папков А.И. «Фронт» или «Украина»: два подхода к изучению русской колонизации днепро-донской лесостепи в XVI – XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2017. – № 5. – С. 176–182.
16. Перетятко А.Ю. Люди пограничья между Российским государством и Османской империей: новая книга Д.В. Сень // *East European History*. – 2020. – № 6 (1). – С. 14–23.
17. Рябчикова Л.Н. Роль казачества в военно-политических конфликтах XX века // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2020. – № 3. – С. 12–16.
18. Сень Д.В. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. // Восток (Oriens). – 2011. – № 5. – С. 46–54.
19. Сень Д.В. Из истории «Донского фронта»: отношения казаков с Османским Азовом (XVII в.) // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 399–402.
20. Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. – 420 с.

21. Служинська І. Донщина як ареал порубіжжя й історична земля // РЕГІОНАЛЬНА ІСТОРІЯ УКРАЇНИ. Збірник наукових статей. – 2011. – № 5. – С. 121–132.
22. Сопов А.В. Концепт фронтира и казаки // Сб. ст. «Вопросы казачьей истории и культуры. Посвящается году российской истории». – Майкоп, 2012. – С. 187–193.
23. Хаидов И.М. Русский фронт на Терек: фронтирная идентичность терских казаков в первой половине XIX в. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 3 (112). – С. 54–58.
24. Longworth Ph. The Cossacks. Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. New York: Holt, Rinehalt and Winston. – 1970. – P. 313–341.
1. Agafonov A.I. (2018) Donskoe kazachestvo v sovremennoj nauchnoj literature: problemy, poiski, reshenija [Don Cossacks in modern scientific literature: problems, searches, solutions] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. – № 1(197). – S. 52-70. (In Russ.).
2. Barret T. (2000) Linii neopredelennosti: Severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus «frontier»] // Amerikanskaja rusistika: vehi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period. Antologija. Samara. – S. 166–177. (In Russ.).
3. Basalaeva I.P., Dubman Je.L., Mizis Ju.A., Mil'chev V.I., Sen' D.V., Urushadze A.T., Hordarkovskij M. (2020) Kak segodnja izuchat' frontiry? Diskussija po stat'e D.V. Senja [How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Senya] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – № 1(27). – S.81-105. (In Russ.).
4. Bredihin A.V. (2020) Voennaja sluzhba kazakov v sisteme bezopasnosti Juga Rossii (na primere Rostovskoj oblasti) [Military service of the Cossacks in the security system of the South of Russia (on the example of the Rostov region)] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – T 25. – № 5. – S. 234-243. (In Russ.).
5. Bredihin A.V. (2016) O territorial'nyh pretenzijah v rossijsko-ukrainskom prigranich'e [On territorial claims in the Russian-Ukrainian border area] // Kazachestvo. – №16(3). – S. 17-22. (In Russ.).
6. Bredihin A.V. (2016) Frontirnaja kul'tura Donskogo kraja (social'no-istoricheskij aspekt) [Frontier culture of the Don Region (socio-historical aspect)] // Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo. – №3. – S.13-17. (In Russ.).
7. Brehunenko V. (2011) Kozaki na Stepovomu Kordonі Єvropi: tipologija kozac'kih spil'not XVI – pershoї polovini XVII st. [Cossacks on the Steppe border of Europe: typology of Cossack communities of the XVI – first half of the XVII century]. – Kiiv. 504s. (In Ukr.).
8. Bugaj N.F. (2000) Kazachestvo Rossii: ot torzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917-90-gody) [Cossacks of Russia: rejection, recognition, rebirth (1917-90-years)]. – M.: Mozhajsk-Terra. – 96s. (In Russ.).
9. Vodotika T. (2012) Teorija frontiru ta ii piznaval'ni mozhlivosti u konteksti istorichnoї regionalistiki [Frontier theory and its cognitive capabilities in the context of historical regionalism] // REGIONAL'NA ISTORIJA UKRAINI. Zbirnik naukovih statej. – №6. – S.101-114. (In Russ.).
10. Esaulova O.M. (2008) Juzhnoafrikaniskij frontier [South African frontier] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – Ser.9. – Vyp.2. – Ch.II. – S.29–32. (In Russ.).
11. Kanishhev V.V. (2015) Prostranstvennoe predstavlenie dvizhenija juzhnorusskogo frontira v seredine XVII – seredine XIXvv. [Spatial representation of the movement of the south Russian frontier in the middle of the XVII – middle of the XIX centuries] // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vyp. 4. – S.178-186. (In Russ.).
12. Koprivica Ch.D. (2019) Sindrom identichnosti glubokogo prigranich'ja. Prilozhenija k ponimaniju Krainy [Deep border identity syndrome. Applications to understanding the country] // Zhurnal Frontirnyh issledovanij. – №4-2(16). – S.257-295. (In Russ.).
13. Maslak V.I. (2014) Opcija stepnogo frontira Evropy v sovremennom rossijskom i ukrainskom kazakovedenii [Option of the steppe frontier of Europe in modern Russian and Ukrainian Cos-

sack studies] // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. – T.3. – №4. – S.297-306. (In Russ.).

14. Mizis Ju.A., Kashhenko S.G. (2011) Problema formirovaniya russkogo frontira na juge Rossii v XVI – pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the XVI – first half of the XVIII century in Russian historiography] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 2: Istorija. – № 1. – S. 9-16. (In Russ.).

15. Papkov A.I. (2017) «Frontir» ili «Ukraina»: dva podhoda k izucheniju russkoj kolonizacii dnepro-donskoj lesostepi v XVI-XVII vv. [«Frontier» or «Ukraine»: two approaches to the study of the Russian colonization of the Dnieper-Don forest-steppe in the XVI-XVII centuries] // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. – №5. – S.176-182. (In Russ.).

16. Peretjat'ko A.Ju. (2020) Ljudi pogranič'ja mezhdu Rossijskim gosudarstvom i Osmanskoj imperiej: novaja kniga D.V. Senja [People of the border between the Russian state and the Ottoman Empire: a new book by D. V. Senya] // East European History. – № 6(1). – S. 14-23. (In Russ.).

17. Rjabchikova L.N. (2020) Rol' kazachestva v voenno-politicheskikh konfliktah 20 veka [The role of the Cossacks in the military-political conflicts of the twentieth century] // Jelektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er». – №3. – S.12-16. (In Russ.).

18. Sen' D.V. (2011) Iz «vol'nyh» kazakov – v podannye krymskih hanov: kazach'i soobshhestva Dona i Kavkaza v konce XVII – nachale XVIII vv. [From the «free» Cossacks – in the submitted Crimean Khans: Cossacks of the Don and Caucasus communities at the end of the XVII – beginning of the XVIII centuries] // Vostok (Oriens). – №5. – S.46–54. (In Russ.).

19. Sen' D.V. (2009) Iz istorii «Donskogo frontira»: otnoshenija kazakov s Osmanskim Azovom (XVII v.) [From the history of the "Don frontier": relations of the Cossacks with the Ottoman Azov (XVII century)] // Sb. st. Lavrovskij sbornik. Jetnologija, Istorija, Arheologija, Kul'turologija. – S.399-402. (In Russ.).

20. Sen' D.V. (2020) Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'e: prostranstvo, javlenija, ljudi (konec XVII – XVIII v.) [Russian-Crimean – Ottoman border: space, phenomena, people (end of the XVII-XVIII centuries)]. Rostov-na-Donu. – 420s. (In Russ.).

21. Sluzhins'ka I. (2011) Donshhina jak areal porubizhzhja i istorichna zemlja [Don region as a border area and historical land] // REGIONAL'NA ISTORIJA UKRAÏNI. Zbirnik naukovih statej. – № 5. – S. 121-132(In Russ.).

22. Sopov A.V. (2012) Koncept frontira i kazaki [Concept of the frontier and the Cossacks] // Sb. st. «Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury. Posvjashhaetsja godu rossijskoj istorii». – S.187-193. (In Ukr.).

23. Haidov I.M. (2020) Russkij frontir na Tereke: frontirnaja identichnost' terskih kazakov v pervoj polovine XIX v. [Russian frontier on the Terek: the frontier identity of the Terek Cossacks in the first half of the XIX century] // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. – № 3(112). – S.54-58. (In Russ.).

24. Longworth Ph. (1970) The Cossacks. Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Stepps. –New York: Holt, Rinehalt and Winston. – P.313-341. (In Engl.)